

КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

**СКИННЕР Б.Ф. СВОБОДА. ВТОРАЯ ГЛАВА
ИЗ КНИГИ «ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ
И ДОСТОИНСТВА» (ПРЕДИСЛОВИЕ
И ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Т.А. МАРЧЕНКО)**

Марченко Татьяна Александровна – доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ta_marchenko@mail.ru

Беррес Фредерик Скиннер (1904 – 1990) был назван самым влиятельным из живущих психологов в Америке и самой неоднозначной фигурой в науке о поведении человека (журнал Times). Он родился в 1904 г. и получил докторскую степень в Гарварде. С 1948 г. он преподавал в Гарварде, являясь профессором психологии Эдгара Пирса. Автор классического утопического романа «Уолден Второй» (1948) профессор Б.Ф. Скиннер знаменит своими лабораторными исследованиями на голубях, которыми поставил эксперименты с животными на новый научный уровень. Он известен как родоначальник обучающих машин и программированного обучения. Его изобретения включают специальную детскую кроватку, механическую няню и ящик Б.Ф. Скиннера, исследовательский инструмент, разработанный для отслеживания изменений в поведении животных. Научная деятельность Б.Ф. Скиннера была отмечена многими наградами, среди которых Национальная научная премия и премия за выдающиеся достижения Американской психологической ассоциации. «По ту сторону свободы и достоинства» – это итог работы всей его жизни в области научного анализа поведения, названный журналом Science News «одним из важнейших событий в психологии XX века».

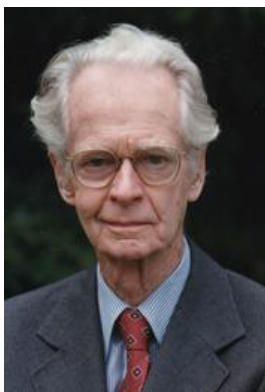
В центре внимания Б.Ф. Скиннера – доступное наблюдению поведение субъекта и особенности его взаимодействия с факторами ок-

ружающей социальной среды. Многие социологи предпочли функциональному подходу бихевиористскую парадигму как более адекватную для исследования таких проблем социального поведения, как коммуникация, интеракция групп и индивидов, игровая деятельность, и др. Среди них – коллега Б.Ф. Скиннера (по Гарварду) – Дж.С. Хоманс, который рассматривал личность как систему реакций на различные стимулы и, создавая свою теорию социального обмена, использовал концепцию Б.Ф. Скиннера.

Восприятие идей Б.Ф. Скиннера не только в России, но и во всем мире, в том числе и на его родине – США, как правило, связано с его оценкой не столько как научного направления, сколько как подозрительного в этическом, идеологическом планах мировоззрения. Б.Ф. Скиннера упрекают в отрицании человеческой индивидуальности, и такие упреки весьма спорны: он, например, не использовал в своих трудах статистические методы, полагая, что они искажают и фальсифицируют индивидуальность. Практически во всех учебниках по истории социологии, психологии Б.Ф. Скиннер упоминается или изучается, но его тексты не переведены, и российские студенты вынуждены знакомиться с его творчеством по пересказам, чаще всего стереотипным.

Вниманию читателей предлагается вторая глава «Свобода» из работы Б.Ф. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства». Перевод первой главы «Технология поведения» выполнен А.А. Федоровым и опубликован¹.

¹ Б.Ф. Скиннер. Технология поведения. Первая глава из книги «По ту сторону свободы и достоинства // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 81–91.

Б.Ф. Скиннер

**Свобода. Вторая глава из книги
«По ту сторону свободы и достоинства»¹**

Почти все живые существа стараются освободиться от опасных контактов. Своего рода свобода достигается относительно простыми формами поведения, называемыми рефлексами. Человек чихает и освобождает свои дыхательные пути от раздражающего вещества. Он рвет и освобождает свой желудок от трудноперевариваемой или ядовитой пищи. Он одергивает руку и освобождает ее от острого или горячего объекта. Более сложные формы поведения вызывают схожий эффект. Будучи в заточении, люди борются («в ярости») и вырываются на свободу. Находясь в опасности, они убегают или атакуют источник опасности. Поведение такого рода, по-видимому, развивалось ввиду своей ценности для выживания и является частью того, что мы называем человеческими генетическими способностями, такими как дыхание, потение или переваривание еды. И через условный рефлекс подобное поведение может быть закреплено в отношении новых объектов, которые, возможно, не играли бы никакой роли в эволюции. Это, несомненно, не основные примеры борьбы за освобождение, но значительные. Мы не относим их к любви к свободе; просто это формы поведения, которые оказались полезными в снижении различных угроз для человека и, следовательно, всего вида в ходе эволюции.

Намного более важную роль играет поведение, которое ослабляет вредные раздражители другим способом. Оно приобретает не в форме условных рефлексов, но как продукт другого процесса, называемого оперантным обусловливанием. Когда за образом действия следует последствие, более вероятно оно произойдет снова, и последствие, имеющее этот эффект, называют положительным стимулом. Еда, например, является положительным стимулом для голодного организма; любое действие организма, подкрепленное получением еды, с большой вероятностью повторится снова, когда организм испытает голод. Некоторые раздражители называют негативными стимулами; любой ответ, который уменьшает интенсивность такого подкрепления – или прекращает его – более вероятно, будет генерирован снова, когда этот раздражитель повторится. Таким образом, если человек сбегает от горячего солнца в укрытие, он, скорее всего, двинется в укрытие, когда

¹ *Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. Published in Penguin Books, 1973. P. 31–47.*

солнце будет снова припекать. Снижение температуры подкрепляет поведение, *«это может случиться снова»*, т. е. поведение, которое последует. Оперантное обусловливание также происходит, когда человек просто избегает жаркого солнца – когда, грубо говоря, он сбегает от угрозы жаркого солнца.

Негативные стимулы называют аверсивными – вызывающими отвращение в том смысле, что от этих вещей организмы «отворачиваются». Термин предлагает пространственное разделение – перемещение или убегание от чего-то, но главная зависимость временная. В стандартном аппарате, используемом для изучения процесса в лаборатории, произвольный ответ просто ослабляет вызывающий отвращение раздражитель или завершает его. Большая доля физической технологии является результатом этого вида борьбы за свободу. Веками беспорядочным образом люди строили мир, в котором они были бы относительно свободны от многих видов угрозы или вредоносных влияний – экстремальной температуры, источников инфекции, каменных работ, опасности и даже таких незначительных вызывающих отрицательную реакцию раздражителей, как дискомфорт.

Убегание и избегание играют намного более важную роль в борьбе за свободу, когда отрицательно действующие факторы производятся другими людьми. Другие люди без труда, так сказать, могут вызвать отвращение: они могут быть грубыми, опасными, заразными, или досаждающими и вызвать, соответственно, желание убежать от них или избежать общения. Они могут также быть *«преднамеренно»* вызывающими отвращение, т. е. они могут относиться к другим людям отрицательно из-за того, что последует за этим. Так, эксплуататор побуждает раба работать, хлещет его кнутом, когда он останавливается; возобновляя работу, раб избегает избиения (и в связи с этим подкрепляет поведение эксплуататора в использовании кнута). Родитель ворчит на ребенка, пока тот не выполнит задание; выполняя работу, ребенок спасается от ворчания (и укрепляет родителя в его поведении). Вымогатель угрожает воздействием, пока жертва не заплатит; жертва избегает угрозы (и укрепляет практику). Учитель угрожает телесным наказанием или провалом, пока его ученики не обратят на него должного внимания; обращая внимание, ученики избегают угрозы наказания (и укрепляют учителя в его угрозах). В той или иной форме интенциональный аверсивный контроль является моделью большей части социальной координации – в этике, религии, правительстве, экономике, образовании, психотерапии и семейной жизни.

Человек убегает или избегает вызывающего отвращение обращения, ведя себя таким способом, который подкрепляет тех, кто обращался с ним негативно в их поведении, но он может убежать другим способом. Например, он может выйти за пределы досягаемости: сбежать от рабства, эмигрировать или дезертировать, стать отступником от религии, прогулять, уйти из дома или выпасть из культуры, как бродяга, отшельник или хиппи. Такое поведение в такой же степени – продукт аверсивных условий, как и поведение, которое эти условия были призваны спровоцировать. Последнее может быть гарантировано только путем обострения контингенций или усиления негативных раздражителей.

Другая аномальная модель убегания – атаковать организатора негативных раздражителей и ослабить или разрушить его мощь. Мы можем атаковать давящих и досаждающих нам подобно тому, как мы давим червяков в огороде, но опять же борьба за свободу в основном направлена на интенциональных контролеров – на тех, кто обращается с другими негативно с целью побудить их к особому поведению. Так, ребенок может перечить родителям, гражданин свергнуть правительство, участник реформировать религию, ученик атаковать учителя или совершить акт вандализма в школе, а деклассированная личность работать на разрушение культуры.

Возможно, что генетические способности человека поддерживают такой тип борьбы за свободу: подвергшись негативному воздействию, люди имеют тенденцию действовать агрессивно или получить положительный стимул от нанесения агрессивных повреждений. Обе тенденции должны были иметь эволюционные преимущества, и их легко продемонстрировать. Если два мирно сосуществующих организма получают болезненный шок, они немедленно обнаружат типичные модели агрессии по отношению к друг к другу. Агрессивное поведение необязательно направлено на непосредственный источник раздражения; оно может переместиться на любой удобный объект или человека. Вандализм и бунты – это часто формы ненаправленной или ошибочно направленной агрессии. Организм, получивший болезненный шок, будет также стремиться по возможности получить доступ к другому организму с целью агрессивного акта. До какой степени человеческая агрессия обнаруживает природные склонности – неясно, а многие способы, которыми человек атакует, ослабляя или разрушая, таким образом интенционального контролера, хорошо изучены.

Так называемая литература свободы создавалась с целью побудить людей к спасению или атаке на аверсивных контролеров. Содер-

жание такой литературы суть философия свободы, но основные положения лежат среди тех внутренних причин, которые нуждаются в тщательном изучении. Мы говорим, что личность ведет себя определенным образом, так как обладает философией, но мы выводим философию из поведения и поэтому не можем использовать ее никаким удовлетворительным образом в качестве объяснения, по крайней мере пока она, в свою очередь, не будет объяснена. Литература свободы, с другой стороны, имеет простой объективный статус. Она состоит из книг, памфлетов, манифестов, речей и других вербальных продуктов, созданных для побуждения людей к акту освобождения от различных видов интенционального контроля. Она не сообщает философию свободы; она побуждает людей к действию.

Литература часто подчеркивает негативные условия, при которых живут люди, возможно, противопоставляя их условиям в более свободном мире. Это делает условия еще невыносимее, «умножая несчастье» тех, кого она пытается спасти. Она так же определяет тех, от кого необходимо спастись, или тех, чью власть необходимо ослабить путем поражения. Типичные злодеи литературы – тираны, священники, генералы, капиталисты, придирчивые учителя и доминирующие родители.

Литература также предписывает способы действия. Ее не очень заботит спасение, возможно, потому, что совет и не нужен; вместо этого литература подчеркивает, как контролирующая власть может быть ослаблена или разрушена. Тираны должны быть свергнуты, изгнаны или убиты. Легитимность правительства подвергнуть сомнению. Подвергнуть сомнению способность религиозного учреждения применять сверхъестественные санкции. Забастовки и бойкоты должны быть организованы для ослабления экономической власти, которая поддерживает аверсивные практики. Аргумент подкрепляется убеждением людей действовать, описывая вероятные результаты, рассматривая успешные примеры на модели рекламных рекомендаций и т.д.

Предполагаемые контролеры не остаются, конечно, в стороне. Государство делает у бегание невозможным, запрещая передвижения, строго наказывая или заключая в тюрьму дезертиров. Оно укрывает оружие и другие источники власти от рук революционеров. Оно уничтожает изданную литературу свободы и сажает в тюрьму или убивает ее глашатаев. Если борьба за свободу преуспевает, она в таком случае должна быть усилена.

Важность литературы свободы едва ли можно подвергать сомнению. Без помощи или руководства люди подвергаются аверсивным условиям самым удивительным образом. Это верно даже тогда, когда

аверсивные условия являются частью окружающей природы. Дарвин замечал, например, что фуэгийцы, казалось, не предпринимали никаких попыток защититься от холода; они носили только скудную одежду и мало ее использовали против погодных условий. И одной из самых поразительных вещей в отношении борьбы за свободу от интенциональных контролеров является то, как часто ее недоставало. Многие люди подвергались самому очевидному религиозному, правительственному и экономическому контролю веками, борясь за свободу только спорадически, если вообще борясь. Литература свободы внесла существенный вклад в уничтожение многих аверсивных практик в правительстве, религии, образовании, семейной жизни и производстве товаров.

Вклад литературы свободы, однако, обычно не описывается такими понятиями. Некоторые традиционные теории определяли свободу как отсутствие аверсивного контроля, но акцент делался на том, как это состояние ощущается. Другие традиционные теории определяли свободу как состояние личности, когда она ведет себя вне аверсивного контроля, но акцент делался на психическом состоянии, связанном с деланием что хочется. Джон Стюарт Милль сказал: «Свобода состоит в том, чтобы делать, что хочется». Литература свободы сыграла важную роль в изменении практики (она меняла практики независимо от того, был эффект или нет), но она, тем не менее, ставила своей задачей изменение состояния ума и чувств. Свобода есть «объект владения». Человек избавляется от власти контролера или разрушает её, чтобы почувствовать свободу, и как только он почувствует свободу и может делать, что хочется, никаких дальнейших действий не рекомендуется и не предписывается литературой свободы, за исключением, пожалуй, сохранения вечной бдительности, дабы контроль не возобновился.

Ощущение свободы становится ненадёжным руководством к действию, как только предполагаемые контролеры обращаются к неаверсивным средствам, к чему они, вероятно, прибегают во избежание проблем, возникающих, когда контролируемый убегает или нападает. Неаверсивные методы не так заметны, как аверсивные, и осваиваются медленнее, но они имеют очевидные преимущества, которые стимулируют их использование. Производительный труд, например, явился в результате наказания: раб работал во избежание последствий от неработы. Заработная плата обнаруживает другой принцип: человеку платят, когда он ведет себя определенным образом, так, чтобы он продолжал вести себя подобным образом. И хотя давно признается, что награда производит полезный эффект, системы заработной платы развиваются медленно. В девятнадцатом веке полагалось, что индустриаль-

ному обществу требовалась голодная рабочая сила; зарплата была эффективна только для голодного рабочего, который обменивал её на еду. Делая работу менее аверсивной, сокращая, к примеру, рабочие часы и улучшая условия труда, стало возможным заставить человека работать за меньшую награду. До недавнего времени преподавание было почти целиком аверсивным: ученик учился, чтобы избежать последствий от неучения, но постепенно стали получать развитие и использоваться неаверсивные техники обучения. Опытный родитель учится скорее награждать ребенка за хорошее поведение, чем наказывать за плохое. Религиозные учреждения движутся от угрозы адом к подчеркиванию любви Бога, а правительства поворачиваются от аверсивных санкций к различным видам поощрения, в чем мы скоро убедимся. То, что обыватель называет наградой, является положительным стимулом, последствия которого уже достаточно исчерпывающе изучены в ходе экспериментального анализа оперантного поведения. Последствия эти не так просто распознать, как последствия аверсивных контингенций, потому что они имеют тенденцию задерживаться, и практическое применение, соответственно, отдалается, однако уже имеются такие же мощные техники, как и старые аверсивные техники.

Для защитника свободы возникает проблема, когда поведение, вызванное положительным стимулом, задерживает аверсивные последствия. Это, в частности, случаи, когда данный процесс происходит при интенциональном контроле, где выигрыш контролера означает проигрыш контролируемого. То, что называется кондиционированным положительным подкреплением, может часто использоваться с отсроченными аверсивными результатами. Пример – деньги. Они становятся положительным подкреплением только после того, как были обменены на стимулирующие вещи, но они же могут быть использованы в качестве положительного стимула и когда обмен невозможен. Фальшивая купюра, поддельный чек, приостановленный чек или несдержанное обещание являются обусловленным (кондиционированным) подкреплением, хотя аверсивные последствия обычно быстро обнаруживаются. Архетипичная модель – золотой слиток. Противодействие следует незамедлительно: мы убегаем или нападаем на тех, кто злоупотребляет обусловленным подкреплением. Но злоупотребление многими социальными стимулами часто проходит незаметно. Забота, одобрение и любовь обычно являются положительными стимулами, только если существует некая связь с уже эффективными стимулами, но они могут быть использованы, когда такой связи нет. Стимулирующие одобрение и любовь, к которым родители и учителя часто по-

буждают прибегать для решения проблем поведения, являются притворством. Таким же, как лесть, панибратство и другие способы завоевания друзей.

Подлинные положительные стимулы можно использовать так, что они будут иметь аверсивные последствия. Государственная власть может предотвратить нарушения, делая жизнь более увлекательной – производя хлеб и зрелища, поощряя спорт, азартные игры, употребление спиртного и других наркотиков, различные виды сексуального поведения, с целью удержания людей в пределах аверсивных санкций. Братья Гонкур заметили рост порнографии во Франции в свое время. «Порнографическая литература, – писали они, – служит Византийской империи, приручая людей, как приручают львов, путем мастурбации».

Подлинным положительным стимулом также можно злоупотребить, потому что количество стимулов непропорционально результату влияния на поведение. Положительное подкрепление имеет только периодическое действие, а режим подкреплений – более важное значение, чем их количество. Определенный режим положительных подкреплений имеет огромное влияние на поведение в обмен на небольшое положительное воздействие, и эта возможность, естественно, не была упущена предполагаемыми контролерами. Вот два примера, как легко использовать режим положительных подкреплений к невыгодному положению подвергшихся им.

В поощрительной системе оплаты, известной как сдельщина, рабочему оплачивают определенную сумму за выполненную часть работы. Система, казалось бы, гарантирует равновесие между произведенным продуктом и полученными деньгами. Режим оплаты является привлекательным как для руководства, которое может просчитать трудовые затраты заранее, так и рабочего, который может контролировать заработанную сумму. Это так называемая постоянная пропорция – режим положительного подкрепления, который может, однако, быть использован для выработки необходимого поведения за очень маленькую отдачу. Он побуждает рабочего работать быстрее, и пропорция может тогда «растянуться», т. е. может потребоваться больше работы для получения той же порции оплаты без риска того, что рабочий прекратит работать. Его конечное положение – много работать за небольшие деньги – может стать остроаверсивным.

Родственный режим, называемый переменной пропорцией, лежит в основании системы азартных игр. Предприятие азартных игр платит людям за то, что те отдают ему свои деньги, т. е. оно платит им, когда люди делают ставки. Но оно платит по своего рода графику или

в режиме, который поддерживает дальнейшие ставки, даже если в итоге выплаченная сумма оказывается меньше суммы ставки. Вначале средняя пропорция может быть благоприятна держателю ставок; он выигрывает. Но пропорция может растянуться таким образом, что он продолжит играть, даже когда начнет проигрывать. «Растягивание» пропорции может быть случайным – быстропришедшая прибыль, которая постоянно растет, может создать заядлого игрока, или пропорция может быть намеренно растянута кем-то, кто контролирует ставки. В конечном итоге выгоды ноль: игрок теряет все.

Трудно иметь дело с отсроченными аверсивными последствиями, потому что они происходят не в то время, когда осуществляется убежание или нападение – когда, например, контролера можно определить или он находится в пределах досягаемости. А немедленное подкрепление всегда результативно и не вызывает возражения. Проблема тех, кто озабочен свободой, состоит в том, чтобы создать немедленные аверсивные последствия. Классическая проблема касается самоконтроля. Человек ест слишком много и заболевает, но выживает, чтобы есть еще больше. Вкусная еда или состояние, вызванное ею, должны быть существенно аверсивными так, чтобы человек убежал от этого, не вкушая ее. (Можно было бы подумать, что он может убежать от еды только до принятия ее, но римляне убежали от еды после еды, принимая рвотные средства). Современные аверсивные раздражители могут быть кондиционированы. Что-то вроде этого делается, когда переедание называют вредным обжорством, или грехом. Другие виды поведения, которые необходимо подавлять, могут быть объявлены нелегальными или наказываться соответствующим образом. Чем более задерживаются аверсивные последствия, тем больше проблема. Какое огромное количество разработок было задействовано, чтобы заставить конечные последствия курения сигарет повлиять на поведение человека! Увлекательное хобби, спорт, любовный роман или большая зарплата могут конкурировать с деятельностью, которая в долгосрочной перспективе была бы более (положительно) стимулирующей, но в перспективе слишком долгосрочной, чтобы сделать возможным противодействие контролю. Вот почему противодействие контролю осуществляется, если вообще оно имеет место, только теми, кто страдает от аверсивных последствий, но не подвергается поощрению. Законы принимаются против азартных игр, профсоюзы борются со сдельщиной, и никому не позволено использовать детский труд или платить за вовлечение в аморальное поведение, но этим мерам могут сильно противостоять те, кого эти же меры призваны защищать. Игрок возражает про-

тив закона об игорном бизнесе, а алкоголик против любого запрещения алкоголя; да и ребенок или проститутка может, хотели бы работать за предложенные им деньги.

Литература свободы никогда не вступала в борьбу с техниками контроля, которые не генерируют побег или контратаку, потому что она всегда имела дело с проблемой в контексте состояния ума и чувств. В своей книге «Суверенитет» Бертран де Жувенель цитирует двух важных фигур литературы свободы. По Лейбницу, «свобода состоит в способности делать то, что хочется делать», а по Вольтеру, «когда я могу делать то, что хочу делать для меня, это моя свобода». Но оба писателя добавляют заключительную фразу: Лейбниц: «...или в способности хотеть того, что можно получить», а Вольтер более откровенно: «...но я не могу не хотеть того, что я действительно хочу». Жувенель отсылает эти комментарии в примечание, говоря, что право хотеть это дело «внутренней свободы» (свобода внутреннего человека!), которая выпадает из «гамбита свободы».

Человек хочет чего-то, если он действует, чтобы получить это, когда подворачивается случай. Человек, который говорит: «Хочу чего-нибудь съесть», вероятно, будет есть, когда появится пища. Если он говорит: «Хочу согреться», он, вероятно, поедет в теплые края, когда сможет. Эти акты были подкреплены в прошлом тем, что хотелось. Что чувствует человек, когда он чувствует себя желающим чего-либо, зависит от обстоятельств. Пища является положительным подкреплением только в состоянии лишения, а человек, который хочет чего-нибудь поесть, может испытывать часть этого состояния – например голодные спазмы. Человек, который хочет согреться, вероятно, чувствует холод. Условия, связанные с высокой вероятностью реагирования, могут также ощущаться наряду с аспектами каждого данного случая, аспектами, подобными тем, что отмечались в прошлом, после чего поведение было положительно подкреплено. Хотение – это, однако, не чувство, как и чувство не является причиной, по которой человек действует, чтобы получить то, что он хочет. Определенные ограничения породили вероятность поведения и в то же время создали состояние, которое можно ощутить. Свобода – вопрос ограничений положительных подкреплений, а не чувств, которые ограничения вызывают. Это различие особенно важно, когда ограничения не вызывают побег или контратаку.

Неопределенность, которая окружает вопрос противодействия контролю неаверсивных мер, легко обнаруживается. В 1930-х гг. казалось необходимым сократить сельскохозяйственное производство. Акт

об изменениях в области сельского хозяйства уполномочил министра сельского хозяйства сделать арендные выплаты или выплаты пособий фермерам, которые согласились производить меньше, – фактически заплатить фермерам за продукты, которые они согласились не производить. Принудить их сократить производство было бы неконституционно, но государство убедило их, что оно просто приглашает их сделать это. Но Верховый суд признал, что позитивное побуждение может быть таким же непреодолимым, как и аверсивные меры, когда он постановил, что «власть давать или отнимать неограниченную прибыль это власть принуждать или разрушать». Однако это решение позже было изменено, когда суд постановил, что «иметь такой мотив или склонность эквивалентно принуждению и погружению закона в бесконечные трудности». Мы и рассматриваем некоторые из этих трудностей.

Тот же вопрос возникает, когда государство проводит лотерею, чтобы уменьшить налоги и получить доход. Государство забирает одну и ту же сумму у своих граждан в обоих случаях, хотя не обязательно у одних и тех же граждан. Проводя лотерею, государство избегает определенных последствий: люди убегают от бремени налогов путем переезда, или обманывая государство, которое обременяет новыми налогами. Лотерея, пользуясь преимуществом режима переменной пропорции положительного подкрепления, избегает таких результатов. Единственная оппозиция исходит от тех, кто в принципе выступает против всяких предприятий азартных игр и кто вообще не является игроком.

Третий пример – это практика приглашения заключенных к потенциально опасным экспериментам – например, испытание новых лекарств – в обмен на лучшие условия жизни или сокращение срока. Все бы протестовали, если бы заключенных попросту принудили к участию, но делает ли положительное подкрепление их выбор действительно свободным, особенно когда улучшение условий или сокращение срока определяется государством?

Вопрос часто возникает в более завуалированной форме. Например, оспаривалось, что бесконтрольные услуги по контрацепции и абортам не дают неограниченной свободы в решении вопроса воспроизводить или нет из-за финансовых затрат и нехватки времени. Немущим членам общества рекомендовалось компенсировать их действительно «свободный выбор». Если справедливая компенсация точно покрывает потраченное время и деньги, необходимые для практики контроля рождаемости, тогда люди действительно будут свободны от контроля, вызванного потерей времени и денег, но то, будут или не будут они иметь детей, все еще будет зависеть от других условий, ко-

торые не оговаривались. Если страна щедро стимулирует практики контрацепции и абортов, до какой степени граждане этой страны свободны в выборе иметь или не иметь детей?

Неопределенность в вопросе позитивного контроля, очевидно, прослеживается в двух ремарках, которые часто появляются в литературе свободы. Там говорится, что, несмотря на то что поведение полностью детерминировано, лучше, чтобы человек ощущал свободу или верил, что он свободен. Если это означает, что лучше быть контролируемым таким способом, что это не повлечет аверсивных последствий, мы возможно согласимся, но если это означает, что лучше быть под таким контролем, который исключает бунт, то, принимая во внимание вероятность отдаленных аверсивных последствий, это не сработает. Второй комментарий кажется более правомерным: «Лучше быть осознующим рабом, чем счастливым рабом». Слово «раб» проясняет природу обсуждаемых конечных последствий: это условия эксплуатации, и, соответственно, они аверсивные. Что раб должен осознавать, так это свое несчастье; и система рабства, так славно созданная, что не предполагает бунта, является настоящей угрозой. Литература свободы создавалась с целью сделать человека осознующим аверсивные последствия, но в выборе методов литература потерпела неудачу в спасении счастливого раба.

Одна из величайших фигур литературы свободы Жан Жак Руссо не боялся власти положительного подкрепления. В своей замечательной книге «Эмиль» он дал следующий совет учителям: «Пусть (ребенок) верит, что он всегда под контролем, хотя это всегда вы (учитель), который действительно контролирует. Нет более совершенного подчинения, чем то, которое создает видимость свободы, так как таким образом человек добровольно берет свою волю в плен. Бедное дитя, ничего не знающее, не способное что-либо делать само, не обученное, разве он не в вашей власти? Разве вы не можете организовать все пространство вокруг него? Разве вы не можете оказывать на него влияние, как вам угодно? Его занятия, его игра, его удовольствия, его боль, разве все это не в ваших руках и без его знания об этом? Без сомнения, ему следует делать то, что он хочет; но ему следует хотеть делать только то, что вы хотите, чтобы он делал; ему не следует делать и шага, который вы бы не предусмотрели; ему не следует раскрывать рот без того, чтобы вы не знали, что он скажет». Руссо мог писать эти строчки, потому что он имел безграничную веру в доброжелательность учителей, которые должны были использовать свой абсолютный контроль во благо своих учеников. Но как мы увидим далее, доброжела-

тельность вовсе не гарантирует отсутствие злоупотребления властью, и лишь немногие фигуры в истории борьбы за свободу продемонстрировали недостаток озабоченности Руссо. Напротив, они заняли крайнюю позицию, что всяческий контроль неуместен. Такая позиция обнаруживает поведенческий процесс, называемый генерализацией. Многие случаи контроля аверсивны либо по природе своей, либо по последствиям, и, следовательно, все случаи контроля следует избегать. Пуритане в обобщении пошли дальше, утверждая, что большинство положительных подкреплений неуместно, неважно, намеренно или нет, они организованы просто потому, что порой доводят людей до беды.

Литература свободы побуждает к убеганию или нападению на всех контролеров. Она делает это, определяя любой контроль аверсивным. Те, кто манипулирует человеческим поведением, нарекаются злыми людьми, склонными к эксплуатации. Контроль чётко противопоставляется свободе, и если свобода – это хорошо, то контроль – это, соответственно, плохо. То, что контроль не всегда имеет аверсивные последствия, не рассматривается вообще. Многие социальные практики, существенные для благополучия особей, включают контроль одного человека над другим, и никто имеющий хоть какую-то заботу о человеческих достижениях не может подавить их. Мы далее увидим, что для того, чтобы установить положение, согласно которому любой контроль неуместен, необходимо было замаскировать или спрятать природу полезных практик, предпочесть слабые практики как раз потому, что их можно замаскировать или спрятать и – поистине самый экстраординарный результат! – увековечить репрессии.

Проблема в том, чтобы освободить людей не от контроля, а от определенных видов контроля, и это можно решить, только если наш анализ примет во внимание все последствия. То, как люди ощущают контроль до или после того, как литература свободы воздействовала на их чувства, не ведет к полезным особенностям.

Если бы не неоправданное обобщение, будто любой контроль неуместен, нам следовало бы обращаться с социальной средой так же просто, как мы обращаемся с несоциальной средой. Хотя технология освободила людей от определенных аверсивных черт окружающей среды, она не освободила их от окружающей среды. Мы принимаем тот факт, что мы зависим от окружающего нас мира, и просто изменяем природу зависимости. Точно так же, чтобы сделать социальную среду как можно свободнее, нам нет необходимости разрушать эту среду или убегать от нее, надо перестроить ее.

Человек борется за свободу не из желания быть свободным, а из определенного поведенческого процесса, характерного для человеческого организма, главный результат которого избегание или убежание от так называемых аверсивных свойств окружающей среды. Физические и биологические технологии занимались главным образом природными аверсивными раздражителями; борьба за свободу связана с раздражителями, намеренно организованными другими людьми. Литература свободы определила этих людей и предложила пути убежания от них, ослабления или разрушения их силы. Она преуспела в уменьшении аверсивных раздражителей, которые использовались в интенциональном контроле, но сделала ошибку в определении свободы на предмет состояния ума или чувств, и поэтому литература неспособна была эффективно решить проблему таких техник контроля, которые не побуждают к убежанию или бунту, но тем не менее имеют аверсивные последствия. Она была вынуждена заклеить любой контроль как неуместный и ошибочно представить, что многие из преимуществ должны быть получены из социальной среды. Литература не готова к следующему шагу, который заключается не в освобождении людей от контроля, а в анализе и изменении видов контроля, которым люди подвергаются.